

ТЕОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

Психологическая концепция С. Л. Рубинштейна в контексте идей И. В. Гете и В. И. Вернадского*

Т. Д. Марцинковская

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6;
Психологический институт Российской академии образования,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9

Для цитирования: *Марцинковская Т. Д.* Психологическая концепция С. Л. Рубинштейна в контексте идей И. В. Гете и В. И. Вернадского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.101>

Рассматриваются сходство и различия в концепциях С. Л. Рубинштейна, И. В. Гете и В. И. Вернадского. В центре сравнительного междисциплинарного анализа находятся понятия оппонентного и референтного круга и когнитивного стиля ученых и художника. Вводится понятие референтного круга, т. е. круга лиц, идеи которых стимулировали развитие концепций других ученых и художников. Показывается влияние Леонардо да Винчи на творчество С. Л. Рубинштейна, И. В. Гете и В. И. Вернадского. Акцентируется внимание на том, что разные ипостаси творчества Леонардо стали референтными для разнообразных поисков Рубинштейна, Гете и Вернадского, для становления новых областей науки о цвете, природе и технике, духовной сущности человека. Раскрывается значение работ К. Левина и экзистенциальной психологии для С. Л. Рубинштейна и его концепции внутреннего мира человека, его экзисферы. Показывается связь референтных кругов и когнитивного стиля ученых. Пантеизм И. В. Гете стал основой его подхода к гармоническому единству рационального и интуитивного познания, природы и культуры, объединяющих науку и искусство. Для С. Л. Рубинштейна и В. И. Вернадского характерным является дополнительность, компенсаторное, а не гармоничное единство интуиции и логики, науки и искусства. При этом ведущим для Гете и Рубинштейна становятся активность, деятельность. Но если для И. В. Гете это прежде всего действие,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 19-18-00516.

Статья публикуется в авторской редакции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

направленное на переустройство окружающего мира, то для С. Л. Рубинштейна это единство внешней и внутренней деятельности и приоритет внутренней деятельности в переструктурировании человеком своего духовного мира. Анализ специфики социальной ситуации в жизни всех трех творцов показывает ее сходство, частично обусловившее и особенности их когнитивного стиля, и отношение к науке и искусству. Если наука становится основанием саморазвития и самореализации, то искусство является стимулом для самопонимания, построения себя и своего духовного мира.

Ключевые слова: референтный круг, когнитивный стиль, социальная ситуация, природа и культура.

Идеи С. Л. Рубинштейна о взаимосвязи человека и мира достаточно хорошо известны, поэтому представляется важным и интересным обозначить новый дискурс анализа этой концепции с позиции сходных идей и теорий, развиваемых в трудах И. В. Гете и В. И. Вернадского. Продуктивной с данной точки зрения становится мысль Вернадского о необходимости для науки междисциплинарного и межкультурного подхода к изучаемой проблеме. Попытка реализовать именно такой подход сделана в данной статье, в которой сопоставляются взгляды не только ученых, но и художников, время, социальная ситуация развития науки. Одновременно в исследовательский дискурс вводятся понятия оппонентного и референтного круга и социальной ситуации, в которой развивалась та или иная концепция, жили и работали ученые, а также рассматриваются особенности их когнитивного стиля.

Референтные круги

У всех трех ученых сходные оппонентные круги, точнее — пересекающиеся. Это связано прежде всего с их подходом к пониманию единства (всеединства) природы, искусственного, социального мира и человека. Идея о связи человека с природным окружением и с космосом как мировым пространством безусловно принималась и И. В. Гете, и В. И. Вернадским, и С. Л. Рубинштейном, однако каждый из них фокусировал внимание на разных аспектах этого единства. Если для Вернадского ведущей была мысль о единении человека с биосферой, т. е. единстве всей живой материи, то для Гете важным было понимание слитности человека и с миром искусства, и с природным миром. Для Рубинштейна же центральной была идея о необходимости единения человека с самим собой.

Поэтому в общий оппонентный круг входят и естествоиспытатели, на которых в разное время ссылаются Гете и Вернадский (от И. Ньютона, Д. Бруно и А. Левенгука до Л. Пастера, Ж. Делиля и Х. И. Фишера), и философы, которых цитируют как Гете, так и Рубинштейн (Г. В. Лейбниц, И. Кант, И. Г. Фихте, Г. В. Гегель, Ф. В. Шеллинг), и античные мыслители (прежде всего Платон, Аристотель и Эпикур), упоминания о чьих трудах встречаются у всех трех мыслителей [1–4].

Однако при анализе междисциплинарных концепций, по-видимому, важнее говорить не столько об оппонентных, сколько о референтных кругах. Новое понятие «референтный круг» связано не с теми мыслителями, с кем соглашаются или полемизируют, но с теми учеными и художниками, чьи взгляды, иногда совсем из другой области знаний, стали стимулом для развития собственных позиций, но-

вых идей в своей области. Это, как правило, те творцы, которые значимы, интересны, референтны для человека, т. е. входят в его референтный круг.

Рассмотрим этот круг, анализируя идеи, повлиявшие на взгляды Гете, Рубинштейна и Вернадского. Прежде всего надо отметить, что в референтный круг входят люди со сходным мировоззрением, неважно, в какой именно области науки или искусства они работают. К ним обращаются не в исследованиях, не в научных публикациях, но в размышлениях о жизни.

Лукреций Кар является одним из наиболее часто упоминаемых ученых и поэтов, к нему обращаются в своих размышлениях о жизни, о связи науки и искусства, о предназначении творца и Гете, и Вернадский. Лукреций Кар для них не только человек, соединивший дар философа и поэта, но и исследователь, размышлявший о свободе, счастье, предназначении людей. Ученый, который писал, что «все те, кто достичь до вершин удовольствий стремится, гибельным сделали путь по дороге, к нему восходящей...», в то время как истинное счастье у того, «кто обладает богатством умеренной жизни, дух безмятежен его и живет он, довольствуясь малым» [5].

В этом с Лукрецием был солидарен и Рубинштейн, хотя он в меньшей степени, чем Гете и Вернадский, его цитирует, возможно, потому, что вопросы связи между отдельными звеньями культуры он решает, солидаризируясь с другой референтной группой, куда входят композиторы и психологи. Что же касается вопроса о свободе воли, обсуждая который Гете и Вернадский цитируют Лукреция, Рубинштейн чаще обращается к философам-экзистенциалистам, а не к античным авторам.

К творчеству и личности Леонардо да Винчи все трое ученых, напротив, обращаются очень часто, однако референтность Леонардо для них связана с разными сторонами его (и их) личности [1–4; 6; 7].

И. В. Гете является редким случаем одновременно великого поэта и крупного натуралиста. Ученые, натуралисты в том числе, часто бывали и художниками в широком понимании этого слова, но крайне редко художники наряду со своим творчеством в искусстве стремились и к научной работе, к изучению природы. Для Гете пантеистическое мироощущение было естественным, а потому понимание природы с точки зрения ее научного исследования и ее отображение в литературном творчестве были в равной мере делом его жизни, были неразделимы. Художественное и научное были для него слиты в его креативной деятельности, они были не только едины, но дополняли и обогащали друг друга. Как подчеркивал Вернадский, идея всеединства была для него органичным мироощущением [6]. Гете в своем понимании всеединства не разделял природу, науку, искусство и человека. При этом он не выделял ступени развития биосферы или ноосферы, они были для него объединены идеей творчества — природы и человека. Ведь природа живая, а все живое, по его мнению, всегда творит [2; 8]. Образ Леонардо для Гете был и примером, и своеобразной иллюстрацией его собственных устремлений, уверенности в необходимости соединения в единое целое двух сторон его профессиональной идентичности (если говорить современным языком). Для Гете именно такой подход к жизни, к природе, науке, искусству придавал смысл жизни и цельность собственному существованию. В многогранной личности Леонардо Гете выделял художника, который исследовал природу, занимался изобретениями, совершенствуя прежде всего свое искусство. Пример сфумато. Особенно интересны для Гете, который занимался цветом, были именно оптические исследования Леонардо.

Это изучение эффекта sfumato и работ, посвященных причинам изменений цвета неба. Леонардо впервые проанализировал явление рассеивания света в воздухе, которое приводит к появлению дымки между зрителем и изображенным предметом (sfumato), смягчающей цветовые контрасты и линии. Этот эффект художник использовал в своих картинах, в частности в знаменитом портрете «Мона Лиза». По мнению искусствоведов, этим приемом во многом и достигается «загадочность» улыбки и взгляда изображенной на картине женщины. Не менее важным для Геттенатуралиста были разделы в книге Леонардо «О живописи», в которой он объяснял, в частности, причину синевы неба: «Синевя неба происходит благодаря толще освещенных частиц воздуха, которая расположена между Землей и находящейся наверху чернотой» [9].

Для Вернадского, напротив, Леонардо был примером выдающегося ученого, который одновременно был художником. В рассуждениях Вернадского, посвященных Леонардо да Винчи, на первый план выходит ученый, инженер, естествоиспытатель, чей научный аппарат близок и Вернадскому. Ученый высоко ценил открытия Леонардо, которые намного обогнали его время и стали осуществляться только в эпоху Вернадского. Это идеи парашюта и аэроплана, мысли Леонардо об аппаратах вертикального взлета и, конечно, работы, посвященные анатомии, которые, по мнению многих ученых, превосходили учебник по анатомии Г. Грея, изданный почти через 300 лет после смерти Леонардо да Винчи. Особенно ценным для Вернадского было то, что Леонардо рассматривал развитие не только как возникновение новых форм жизни, но и как появление новых цивилизационных эпох, что было близко взглядам самого Вернадского. В контексте этого подхода оба ученых говорили об опасности недооценки взаимосвязи и взаимовлияния друг на друга разных сфер обитания человека. Подчеркивая провидческий характер этих работ мыслителя Возрождения, Вернадский писал об опасности разрыва биосферы и ноосферы, о значимости экологии — о том, о чем сегодня заговорили во весь голос.

Для Рубинштейна референтность Леонардо да Винчи связана прежде всего со стремлением оградить барьером свой внутренний мир от мира внешнего, от посторонних глаз. Он отстаивал мысль о важности обособления человека, его внутреннего мира от вмешательства других элементов мира, особенно, социального мира [7]. Поэтому он пристально вглядывался в методы шифрования, к которым прибегал ученый эпохи Возрождения в своих записных книжках. Известно, что Леонардо да Винчи, записывая свои наблюдения, размышления, описывая свои открытия, прибегал к тайнописи, в частности, писал левой рукой: его тексты открываются только в зеркальном отражении. Сложность этой тайнописи такова, что полная расшифровка записей не выполнена до сих пор. Сам Рубинштейн, учитывая реалии своего времени, считал опасным записывать собственные размышления, даже прибегая к шифру. Если сегодня мы, цитируя М. Булгакова, повторяем, что рукописи не горят, то Рубинштейн, по воспоминаниям учеников, говорил, что, к счастью, и горят, и пропадают.

Важной для размышлений Рубинштейна о субъектности человека была также идея о связи истории, культуры и гениальности, признании и непонятости художника, мыслителя его современниками. Для него была референтной мысль Д. М. Болдуина о том, что гений и общество должны быть согласны относительно пригодности и правильности новых мыслей, их соответствия общественным ценностям.

Таким образом, индивидуальные различия заключаются не только в уровне интеллекта, но и в возможности адаптации к тем нормам, которые приняты в обществе.

Не менее значимым для Рубинштейна, как и для многих отечественных психологов (особенно для А. Р. Лурии и Л. С. Выготского), был и К. Левин. По-видимому, наиболее важной для Рубинштейна была идея Левина о конгруэнтности внешнего и внутреннего полей и о необходимости переструктурирования физического или психического поля для преодоления барьеров, фрустрации при достижении потребностей. Причем для Рубинштейна интересной была не столько мысль об иерархии потребностей (значимая для А. Н. Леонтьева), сколько о сочетании размышления и активности и возможности встать над полем. Для Рубинштейна возможность преодоления барьера между разными областями внешнего и внутреннего мира связана с его положением о единстве сознания и действия. По его мнению, встать над полем (внешним миром) — это не пробить барьер, а найти в себе силы, духовные прежде всего, перестроить себя, свою систему ценностей и смыслов, т. е. выстроить свою духовную экзисферу. Но здесь как раз проявляется референтность идей с Левиным, который писал о том же, но, естественно, в своей терминологии — о перестройке иерархии потребностей, поиске квазипотребностей, замещающих те, которые невозможно реализовать в данной социальной ситуации.

Наиболее референтными для Рубинштейна, по-видимому, можно считать экзистенциальных философов и психологов. Это касается и их родственности немецкой философской традиции, близкой и Рубинштейну, и созвучности их представлений о человеке и мире с позицией самого Рубинштейна. Рассматривая отношения личностного пространства человека с окружающей действительностью, Рубинштейн писал, что потенциально духовность людей может изменить человека и человечество [7]. В то же время нужно осознавать, что внешний социальный мир изменить сложно, поэтому главной целью является изменение, развитие мира внутреннего, духовного.

Рубинштейн, хотя и подчеркивал важность природного мира, утверждал, что субъект остается в единственном числе как противостоящий всей сфере объективной реальности. В отличие от Гете и Вернадского он подчеркивал, что самые тяжелые последствия для людей имеет нарушение внутренней гармонии. Для Вернадского же наиболее тяжелые последствия, напротив, имеет нарушение связи, гармонии с природой. Интересно, что в разных дискурсах Вернадский и Рубинштейн обращались при этом к мысли Э. Гофмана о человеке, оторванном от природы, как дитя от матери, и не понимающем всей опасности этого. Для пантеиста Гете идея о гармонии человека с природой также была важна, но он еще не считал, что эта гармония безвозвратно потеряна. Стремление снять обособление человека от природы, возможно, и является одной из детерминант явно просматриваемой тенденции к воссоединению разорванных линий в развитии пространства личности и культуры. В своей последней, незаконченной работе «Человек и мир» Рубинштейн отмечал, что «в жизни отдельного человека (например, ученого) его познавательная деятельность может оказаться обособленной от его жизни и практической деятельности» [7]. Поэтому для него культура становится образующей личностного пространства, индивидуализации этого пространства через искусство. Это пространство можно условно назвать экзисферой (от *экзистенция* — самость), так как здесь явно видна референтность как раз немецкой философии и прежде всего,

как отмечалось выше, экзистенциальной философии. Экзистенциалисты подчеркивали невозможность разделения субъекта и объекта, внутреннего пространства и внешнего, так как они слиты в человеке, который должен быть органичен и в то же время вставать над бытием в своем осознании этого бытия. Рубинштейн в своих рассуждениях идет дальше, говоря о том, что человек в процессе познания, опираясь на созданные культурой и зафиксированные искусством знания, создает свой индивидуальный мир, который соединяет мир внутренний и мир внешний в своеобразное пространство личности — в экзисферу.

Когнитивный стиль

При сравнительном анализе когнитивного стиля ученых в центре исследования стоят два вопроса: соединение разных подходов к способу решения проблемы — рациональный, логический стиль, основанный на научных постулатах и терминологии, либо инсайт, переструктурирование известной рациональной схемы в интуитивном познании. Второй вопрос, связанный непосредственно с первым, — это соединение науки и искусства и их роль в постижении нового в природе и в человеке.

В когнитивном стиле всех ученых сближает позиция (часто неосознанная), выраженная в дополнении рационального, работы «научного аппарата» интуицией. Понимание творчества, которое роднит науку с искусством и акцентирует важность интуитивного познания, объединяет всех троих. Здесь искусство воспринимается и воспроизводится человеком в новом ракурсе, в новой креативной картине. В этой позиции прослеживается и важное не только для этих ученых положение о дополнительности двух стилей когнитивной работы — инсайта и логики, в какой-то степени напоминающей дополнение разных типов личности при компенсации общего стиля жизни.

Гете, говоря о науке, часто подразумевал и искусство, не разделяя их воздействие на природу и человека. Он писал, что наука первоначально развивалась из поэзии. Подчеркивая значение эмпирических наблюдений и логической рефлексии в обоих видах творчества, Гете также не забывал о роли интуиции. Он связывал интуицию с научным мышлением и считал ее одним из методов научной работы, говоря, что за пределы известного о природе можно выходить только мыслью и взором [3; 8]. Таким образом, Гете считал, что не столько философия сама по себе, сколько естественные науки и искусство, объединенные интуицией, помогают познанию мира.

Вернадский в своих работах выделял значение «научного аппарата», т. е. научных фактов и построенных на них эмпирических обобщений, которые, по его мнению, и составляют содержание науки. Повторяя слова Гете, что в науке мы можем знать только *как* произошло что-нибудь, а не *почему* и *для чего*, Вернадский писал, что изменение науки, ее стремительный рост связан именно с эмпирическими данными и их рациональным анализом [6; 10]. Рубинштейн также отмечал важную роль именно научного аппарата для адекватного понимания мира, хотя и в значительно меньшей степени уделял внимание эмпирике. Однако детерминантой у обоих оставался рациональный, логический стиль познания.

Здесь начинались противоречия между их работами и высказываниями о том, что помогает в научной работе. Открытия совершаются часто внезапно, интуитив-

но, хотя и на основе кропотливо собранного материала. Для психологии научного творчества огромный интерес представляет характерное для Вернадского и частично для Рубинштейна противоречие между утверждением о доминировании рационального мышления, на котором строится наука, и одновременно признание того, что одной из ошибок философии является представление о непреложности и неизменности разума.

Понимая, что человек с его сложным внутренним миром, духовностью не исчерпывается только рациональными аспектами, и при этом отрицая и философию, и религию, Вернадский, как и Гете, а чуть позже Рубинштейн, обращаются к искусству, которое гармонично сочетается с точной наукой. Возможно, именно такое гармоничное сочетание Вернадский видел в фигуре Гете — ученого, политического деятеля и великого художника, как, в свою очередь, сам Гете — в образе Леонардо да Винчи. Повторяя слова Гете о том, что наука первоначально развивалась из поэзии, Вернадский подчеркивал, что ученые тоже фантазеры и художники, они не вольны над своими идеями и могут хорошо работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство. Поэтому и художники, и ученые — звенья мировой гармонии [6].

В то же время и Гете, и Рубинштейн, в отличие от Вернадского, выделяли рациональный элемент и в искусстве, говоря, в терминологии В. Б. Шкловского, о феномене остранения, который дает возможность посмотреть на привычное под другим углом зрения.

Для когнитивного стиля и референтного круга Гете это естественно, ведь он в своем творчестве неоднократно обращался к трудам И. И. Винкельмана и И. Г. Гердера; философия искусства была для него таким же важным источником размышлений, как и само искусство. Однако ни Рубинштейн, ни тем более Вернадский этими трудами никогда не интересовались, во всяком случае, не упоминали о них в своих записках. Возможно, в феномене остранения и Гете, и Рубинштейн находили подтверждения своим идеям не только о необходимости сочетания рационального и интуитивного знания, но и о необходимости активного построения своей концепции гармоничного единения человека и мира. Остранение — способность посмотреть на окружающее и на себя самого по-новому, увидеть новые грани и возможности в себе и окружающем — помогало осуществлению активности в перестройке себя, восхождению на новую ступень самосовершенствования.

Гете, который желал охватить и понять, частично даже синтезировать научную и художественную работу, стремился понять и себя. Он признавал огромное значение естествознания, науки для развития социального мира и для людей. Нельзя забывать и о том, что Гете был не только ученым и поэтом, он был еще и государственным деятелем — министром при Веймарском дворе. В его понимании связь естествознания и поэзии помогает превращению неидеальной действительности в идеальную. Творчество устраняет противоречия между идеальным и реальным, между духом и материей, приближая и творца, и слушателя (зрителя) к идеальному, разумному и нравственному миру.

Возможно поэтому, не отрицая важности теоретических размышлений и в науке, и в искусстве, он говорил о необходимости действия. Для Гете в основе его научного и художественного творчества лежали не только логическое или интуитивное мышление, но и активность, действие. Смысл жизни человека, который он

выразил словами Фауста, в создании наукой новой действительности. В «Фаусте» он писал, что всякому ищущему человеку суждено ошибаться, но честный человек в слепом исканье все ж твердо сознает, где правый путь [2]: этот путь — путь неустанных стремлений к открытию действительно значительного смысла жизни. Но если смысл жизни в восхождении от одной ступени знания к другой, то это именно тот путь, о котором писал Рубинштейн. Вернадский считал, что восхождение, развитие — это развитие мира. А Гете и Рубинштейн полагали, что это развитие человека, который благодаря полученным знаниям, новой мотивации и основанному на этих знаниях и мотивах действию преобразует мир. Такой путь развития Гете подробно описывает в «Фаусте». Фауст, прежде чем обнаружить конечную цель своего существования, проходит ряд «образовательных ступеней». Первая ступень — узкие рамки семейного, «комнатного» счастья, вторая — жизнь, посвященная искусству. В заключение он всходит на третью и последнюю ступень и решает посвятить свои силы служению обществу. Задумав создать государство счастливых, свободных людей, он начинает на отвоеванной у моря земле гигантскую стройку. Девиз Фауста — Гете «Am Anfang war die Tat — Вначале было действие» противопоставляет созерцанию, ведущему к скуке (вся тварь разумная скучает, таков положен вам удел...) [11]. С этим категорически не согласны Гете и его герой. Именно в тот момент, когда он видит плоды своей активности, своей работы, он и восклицает: «Остановись мгновенье, ты прекрасно». И здесь с ним солидарен Рубинштейн. Интересно, что не Вернадский, который отстаивал значимость науки в преобразовании мира, в создании ноосферы, а Рубинштейн продолжал мысль Гете о том, что без действия, без активности не могут развиваться ни человек, ни мир.

При этом, не отрицая значения внешней активности, Рубинштейн отдавал приоритет активности внутренней. Особенность внутренней активности в ее личностной отнесенности. Уже в первых работах, посвященных проблеме восприятия пространства, ученый подчеркивал не только активный характер этого восприятия, но и его личную отнесенность, избирательность, субъективность. Он писал: «Выбирая свои указатели и направления движения, человек создает пространство своей жизни. И это пространство жизни, хотя и непосредственно связано с реальным миром предметов и явлений, создано, сконструировано самим субъектом и несет на себе отпечаток его личности, его стремлений, интересов, пристрастий» [4]. Огромную роль в создании личностного пространства играет переживание, оно помогает интериоризации внешних стимулов во внутренние ценности и мотивы. Анализируя эти рассуждения Рубинштейна, можно сказать, что личностное пространство здесь соотносится с современным понятием идентичности, также связывающей личностные и социальные параметры бытия человека в единое целое.

В последних работах Рубинштейна интересовала прежде всего проблема единства и соотношения разных видов бытия человека и его природного, а также искусственного мира. Именно здесь отчетливо прослеживается важная для ученого мысль о важности единения человека с природой и о роли природы и искусства в построении личностного пространства человека, необходимого для его саморазвития [7].

Мысль о единстве природы и культуры, науки и искусства красной нитью проходит через творчество всех троих ученых. Искусство помогает не столько в создании гармонии или в творческом озарении, сколько в строительстве своей духов-

ности. Оно для них всех не только иллюстрация собственных состояний, но и источник размышлений. Однако если с оценкой роли природы как источника гармонии согласны и Гете, и Вернадский, и Рубинштейн, то в оценке значимости разных видов искусства они расходятся. Для Гете самым важным была поэзия: она была связана с интуицией, с проникновением в смысл и слова, и жизни. Т.е. слово как размышление, слово как переживание соединяет в себе логику и интуицию, науку и искусство [8]. Возможно, что приоритет слова определялся и временем жизни Гете, в котором поэзия явно доминировала над музыкой и живописью.

В понимании себя, как и в восстановлении нарушенной гармонии человека с природой, по мнению Вернадского, больше всего помогает музыка. Он считал, что музыка и природа тесно связаны между собой не только наличием особого языка, но и воздействием на человека, так как вносят гармонию в душу людей. Он писал, что всякий, кто когда-нибудь с открытыми глазами, свободным умом и сердцем побывал наедине с природой, тот ярко и ясно чувствовал эту неразрывную связь с остальным миром [1]. Это же относится и к музыке, которая открывает человеку мир в его гармоническом целом.

Для Рубинштейна важны были и живопись, и музыка, они для него становятся не только и не столько образующими самосознания субъекта, сколько образующими его личностного пространства, индивидуализации этого пространства. Это новое пространство было не только созвучно индивидуальности человека, его творческой природе, но и открывало перед ним возможности самореализации. Поэтому уже в творчестве, в активной деятельности субъекта происходит новое объединение разных пространств бытия. Это, по мнению не только Рубинштейна, но и Гете, и Вернадского, давало возможность осуществлению детерминации и одновременно сохраняло свободу воли, свободу выбора для человека.

Возможно, что анализ связи когнитивного стиля с определенным видом искусства, так же как и с конкретной научной дисциплиной, в определенной степени может помочь в раскрытии личностных особенностей ученых и художников. Но это, безусловно, тема уже другого исследования.

Заключение

Социальная ситуация, в которой формировались идеи этих ученых, была во многом сходной, хотя, конечно, внешнее давление в сталинской России было жестче, чем в Веймарской Германии. Тем не менее и там, и там необходимо было соблюдать определенные нормы, молчать о многих вещах для того, чтобы если не выжить, но нормально жить.

Помимо референтного круга, от которого отталкивались Гете, Вернадский и Рубинштейн, значительную роль в их понимании науки и искусства сыграли и социальная апперцепция, факты их жизни, постоянно ставящей перед ними задачу выстраивания своего личного пространства как убежища от давления окружающих.

И это показывает, что все три мыслителя находили в науке средство саморазвития, средство, необходимое для ученых, чтобы двигаться вперед, познавать новое. Но способ совладания с трудностями, защиты своей личности, своего внутреннего бытия они находили в искусстве. Поэтому для Гете важно было отразить свои

научные воззрения в книгах, а для Вернадского и Рубинштейна — найти в чужих произведениях созвучные им мелодии жизни, образы своего «Я».

Таким образом, можно констатировать, что наука дает основания для понимания и изменения природного и социального мира, человека, который создает ноосферу. Но для понимания себя, своего места в социальном и природном мире главной является экзисфера, т.е. построение себя, и здесь ведущим, по мнению всех троих ученых, становится не наука, а искусство.

Литература

1. Вернадский В. И. Из истории идей. М.: Изд-во т-ва И. Н. Кушнерова, 1912. С. 123–138.
2. Гете И. В. Фауст. М.: АСТ, 2017.
3. Гете И. В. Учение о цвете. Теория познания. М.: Ленанд, 2018.
4. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
5. Тит Лукреций Кар. О природе вещей М.: Мир книги, 2010.
6. Вернадский В. И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте. Бюллетень Моск. об-ва испытателей природы. Отд. геологии, 1946. Т. 21, № 1. С. 5–52.
7. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Педагогика, 1973. С. 255–382.
8. Гете И. В. Западно-восточный диван. М.: Наука, 1988.
9. Леонардо да Винчи. Естественно-научные сочинения и работы по эстетике. Избранные произведения. М.: АСТ, 2000.
10. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012.
11. Пушкин А. С. Сцена из Фауста // Полное собрание сочинений в 6 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 1. С. 443.

Статья поступила в редакцию 22 ноября 2019 г.;
рекомендована в печать 12 декабря 2019 г.

Контактная информация:

Марцинковская Татьяна Давидовна — д-р психол. наук; ip@rggu.ru

The psychological concept of S. L. Rubinstein in the context of the ideas of I. V. Goethe and V. I. Vernadsky*

T. D. Martsinkovskaya

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya pl., Moscow, 125993, Russian Federation;
Psychological Institute of Russian Academy of Education,
9, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation

For citation: Martsinkovskaya T.D. The psychological concept of S.L. Rubinstein in the context of the ideas of I. V. Goethe and V. I. Vernadsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2020, vol. 10, issue 1, pp. 7–17. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.101> (In Russian)

The article examines the similarities and differences in the concepts of S.L. Rubinstein, I. V. Goethe and V. I. Vernadsky. At the center of the comparative interdisciplinary analysis are the ideas of the opponent and the reference circles and the cognitive style of scientists and artist. The theory of a reference circle is introduced, a circle of people whose ideas stimulated

* The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation in the framework of research project No. 19-18-00516.

the development of concepts of other scientists and artists. The influence of Leonardo da Vinci on S. L. Rubinstein, I. V. Goethe and V. I. Vernadsky is illustrated. Attention is given to the fact that the various hypostases of Leonardo's work became a reference for the various searches of Rubinstein, Goethe and Vernadsky, for the formation of new areas of the science of color, nature and technology, the spiritual essence of man. The significance of the works of K. Levin and existential psychology for S. L. Rubinstein, as well as his concept of the inner world of man, his exosphere is explored. The connections of reference circles and the cognitive style of scientists are revealed. The pantheism of I. V. Goethe became the basis of his approach to the harmonious unity of rational and intuitive knowledge, nature and culture, combining science and art. The complementarity, compensatory, and non-harmonious unity of intuition and logic, science and art is characteristic for S. L. Rubinstein and V. I. Vernadsky. At the same time, activity or action becomes the leading one for Goethe and Rubinstein. For I. V. Goethe, first of all, it is the action aimed at rebuilding the world and for S. L. Rubinstein it is the unity of external and internal activity and the priority of internal activity in a person's restructuring of his spiritual world. The analysis of the specifics of the social situation in the life of all three creators reveal similarities, which partially determined the peculiarities of their cognitive style and attitude to science and art. If science becomes the basis of self-development and self-realization, then art is an incentive for self-understanding, self-designing and construction of one's own spiritual world.

Keywords: reference circle, cognitive style, social situation, nature and culture.

References

1. Vernadsky V.I. *From the history of ideas*. Moscow, t-va I.N.Kushnerova Publ., 1912, no. 10, pp. 123–138. (In Russian)
2. Goethe I. V. *Faust*. Moscow, AST Publ., 2017. (In Russian)
3. Goethe I. V. *The doctrine of color. Theory of Knowledge*. Moscow, Lenand Publ., 2018. (In Russian)
4. Rubinstein S. L. *Being and consciousness*. Moscow, Akademii nauk SSSR Publ., 1957. (In Russian)
5. Titus Lucretius Car. *About the nature of things*. Moscow, Mir knigi Publ., 2010. (In Russian)
6. Vernadsky V.I. Thoughts and remarks about Goethe as a naturalist. *Byulleten' Mosk. ob-va ispytateley prirody. Otd. geologii*, 1946, vol. 21, no. 1, pp. 5–52. (In Russian)
7. Rubinstein S. L. *Man and the world*. Moscow, Pedagogy Publ., 1973, pp. 255–382.
8. Goethe I. V. *West-east sofa*. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian)
9. Leonardo da Vinci. *Natural sciences and works on aesthetics. Selected Works*. Moscow, AST Publ., 2000.
10. Vernadsky V.I. *Biosphere and noosphere*. Moscow, Ayris-press Publ., 2012. (In Russian)
11. Pushkin A. S. Scene from Faust. *Complete works in 6 volumes*. Moscow, Gosudarstvennoe khudozhestvennoe izdatel'stvo literary Publ., 1950, vol. 1, p. 443. (In Russian)

Received: November 22, 2019

Accepted: December 12, 2019

Author's information:

Tatyana D. Martsinkovskaya — Dr. of Sci. in Psychology; ip@rggu.ru